

ОЛЕГ СЕРГЕЕВ (Йошкар-Ола)

ГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «СЛОВАРЯ ЯЗЫКА ЧЕРЕМИССКАГО»

Abstract. Graphic Features of the «Словарь Языка Черемисского»

The handwritten monument of the «Словарь Языка Черемисского» (Hermitage collection No. 216; Dictionary of the Cheremiss Language) dates from the second half of the XVIII century. It is a copy of another unpublished Mari dictionary, which is stored in a single copy in the «Adelung's Materials» in the manuscript department of the Russian National Library. The dictionary is compiled by semi-joint. The monument does not use remote letters, superscripts, which was characteristic of the letter of the end of the XVIII century. Of superscripts, the exception is an acute ('); it is not found in all words. In the dictionary, along with the Cyrillic letter *z*, the grapheme *g* is often used. In some positions octal *u* is replaced with decimal *i*. As in many monuments of writing of the XVIII century, certain difficulties were in the presentation of the Mari specific phonemes: back-lingual sonorant *ŋ*, frontal labial phonemes *ö* and *ü*.

Key words: Mari language, eastern dialect, lexicography, manuscript, comparative dictionary, alphabet, graphics, vowel sound, consonant, labial phoneme.

Во второй половине XVIII века по разным социально-политическим причинам были составлены три больших двуязычных словаря. Эти уникальные памятники марийского языка хранятся в рукописном отделе Российской национальной библиотеки. Один из неопубликованных словарей известен как «словарь Дамаскина» в черновом и беловом вариантах (ф. 2013, оп. 602-а, ед. хр. 186; Эрм. собр. № 218). В нашем личном фонде имеется фотокопия Санкт-Петербургского варианта этого словаря. Как ценнейший памятник марийского языка второй половины XVIII в. он издан нами факсимильным способом (Сергеев 2003). Авторами второго словаря были священники Кукарской слободы Василий Крекнин и Иоанн Платунов (Эрм. собр. № 197/1), составитель третьего — «Словаря Языка Черемисского» (Эрм. собр. № 216) — не известен. К сожалению, последние два до сих пор не опубликованы.

«Словарь Языка Черемисского» выполнен полууставом на плотной серой бумаге. Текст представлен в двух параллельных столбцах: русские слова и их марийский перевод. Словник с двух сторон ограничен полями, листы с золотым обрезом. Переплет — картон в коже с золотым тиснением на корешке, «который придавал книге более нарядный

вид» (Муравьев 1975 : 27). Полное палеографическое описание памятника, как и словарей В. Крекнина, И. Платунова и Д. Дамаскина, дано в монографии (Сергеев 2002 : 41; 38—39; 42). Данная статья посвящена графическим особенностям «Словаря Языка Черемисского».

Памятник включает около 3000 лексических единиц (примерно по 21 на страницу). Специалисты отмечают его большое значение для истории (Хайду 1985 : 70) как первого письменного памятника марийского языка. Рукопись «принадлежит к той же серии одинаковых по внешнему виду инородческих словарей и, вероятно, должен был служить материалом для сравнительного словаря Екатерины II» (Булич 1904 : 447). «Словарь Языка Черемисского», как считает С. К. Булич (1904 : 433), появился при Нижегородской епархии «по почину или под надзором Дамаскина» и поступил как материал для сравнительного словаря Екатерины II к Л. И. Бакмейстеру или П. С. Палласу. Впоследствии рукопись досталась Ф. П. Аделунгу. «Словарь Языка Черемисского» представляет собой копию рукописи, хранящейся в «Материалах Аделунга» (Эрм. собр. № 124). По-видимому, вместе с другими материалами, он был особо переписан для «Высочайшаго пользования при работах Императрицы Екатерины II над ее сравнительным словарем» (Булич 1904 : 432). То, что «Словарь Языка Черемисского» (Эрм. собр. № 216) — копия «Словаря языка черемисского» (Эрм. собр. № 124), подтверждает факт, что в нем преобладают искажения, возникшие из-за неверного прочтения, а также недопонимания смысла использованных транскрипционных обозначений; кроме того, встречаются типичные ошибки в написании, обусловленные непониманием писцом некоторых особенностей оригинала: *апп* 'вина'¹, *випеш* 'насилно', *випешлык* 'насильство' вместо *аип* (*айып*), *виѢш* (*виеш*), *виѢшлык* (*виешлык*) (в оригинале графема Ѣ передана как η, поэтому переписчик принял ее за сочетание *ne*) и т. д. Лексикон словаря № 216 расположен в том же порядке, что и материал Ф. П. Аделунга (подробнее в Сергеев 2002 : 39—41).

В основе «Словаря Языка Черемисского» лежат языковые особенности лугового наречия марийского языка, очень близкого к современным литературным нормам (Иванов 1975 : 36). Однако встречаются и лексические единицы восточного диалекта, например: *манда* 'мачеха', *элталамъ* 'обнимаю', *запсырь* 'очень', *чатрыкъ* 'парус', *мендерь* 'подушка', *палласемъ* 'спознаюсь' и др., лит *мандава*, *элталам*, *запсыр*, *чатрык*, *мындер*, *палласем* 'знакомлюсь, познакомлюсь; вступаю в знакомство с кем-л.'. Следует отметить, что *запсыр* и *чатрык* к настоящему времени забыты и не вошли в толковый словарь марийского языка (СМЯ I 467; СМЯ VI-II 333). По мнению Н. И. Исанбаева (2014 : 7), диалектную основу рукописного словаря составляет лексика уржумского говора, но свои предположения он сопровождает вопросом. Известно, что уржумский говор входит в этнотерриториальную единицу лугового наречия.

Памятник акцентован, превалирует акут (´), проставленный не на всех словах. Из других графико-фонетических особенностей можно отметить *g* вместо заднеязычной фонемы *g*. Она встречается главным образом 1) в интервокальном положении: *агавуй* 'плуг', *лугемъ* 'болтаю', *лугеше* 'болтунья', *лугеманъ* 'болтливый', *лугемашъ* 'болтание', *лугегожь* 'можжевельник', *таган* 'подкова', *тагана* 'лоток', *чогемъ* 'доношу', *чогоше* 'доно-

¹ Графика словаря сохранена.

щик' (но *чогомо* 'доказательство'), *чогомашь* 'донос', *шогань* 'лук', *шоганынь* 'луковый', *шого* 'немой' и т. д., лит. *агавуй*, *лугем*, *лугышо*, *лугыман*, *лугымаш*, *лўмегож*, *таган*, *тагына*, *чогем*, *чогышо*, *чогымо*, *чогымаш*, *шоган*, *шогынын*, *шого*; 2) после смычного сонанта *м*: *кумгана* 'трижды', *шимгана* 'седмью' и т. д., лит. *кум гана*, *шым гана*; 3) в сочетании *нг* обозначает заднеязычный сонант: *онгь* 'грудь', *онгань* 'грудастый', *энгежь* 'малина', *энгежларь* 'малинник', *энгертомо* 'подпора́я', *энгерь* 'речка', лит. *онг*, *онган*, *эныж*, *эныжлар* (лит. *эныжвондер* 'малинник'), *энгертыме*, *энгер*; 4) в отдельных словах *н* и сочетание *нг* графически не различаются: *енгекь* 'рок', *канга* 'смуглый', *менге* 'кол', *мўньга* 'назад', *пенгыдемдемь* 'подкрепляю', *ронгедамь* 'рычу', *ронгедмашь* 'рычание', *ронгожемамь* 'седею' и т. д., лит. *энгек* 'беда', *канга* 'тощий, сухопарый, худой, худощавый', *менге*, *мўнгө*, *пенгыдемдем*, *ронгедам*, *ронгедмаш*, *ронгыжемам*; 5) иногда переписчик не различал графемы *g* и *g*: *рюгу* 'острие', *луго* 'утка', *кинге* 'хлеб' и т. д., вместо *рюду*, лит. *рўдө* 'сердцевина (дерева); ось; центр, центральный; середина; фитиль', *лудо*, *кинде*.

В словаре наряду с *и* восьмиричной часто встречается *і* десятеричная. Последняя часто выступает 1) перед гласным *а*: *кіакь* 'осока', *кіамать* 'ад', *кіарь* 'огурец', *шіалтышь* 'свирелка', *шіамь* 'молочу' и т. д., лит. *кияк*, *киямат* '(в религиозно-мистических представлениях) загробный мир', *кияр*, *шиялтыш*, *шиям*; 2) перед гласным переднего ряда не лабиальный *и*: *марінь* 'мужеский', *нінь* 'лычный', *пінь* 'собачей' и т. д. Отметим, что в этой позиции после *і* десятеричной в современном литературном языке используется среднеязычный щелевой сонант *й*: *марийын*, *нийын*, *пийын*. То же и в других примерах: *пій* 'собака', *сіянь* 'изъян', *теній* 'ныне', *тіякь* 'писарь', *тіянь* 'вшивый', *чія* 'краска', *чіялтемь* 'крашу', *чіялтыше* 'красильник', *чіемь* 'надеваю', *шіи* 'серебро', *шіимашь* 'молодьба', ср. *пий*, *зийан*, *теній*, *тийак*, *тийан*, *чийа*, *чийалтем*, *чийалтыше*, *чийэм*, *ший*, *шиймаш*, где буквы *я* и *е* представляют две фонемы: *й* + *а*, *й* + *э*; 3) очень редко писарь использовал *і* десятеричный с двумя точками, т. е. трему (*і̇*, *й̇*): *пїяль* 'шастие', *пїалань* 'шастливый', лит. *пиял*, *пиялан*. В следующих примерах употребление *и* восьмиричного связано с диалектным характером: *нилить* 'четыре', *нильгана* 'четырежды', *нильше* 'четвертый', *нильле* 'сорок', *никтамь* 'луплю', *чигылтемь* 'щекочу', *чигылтымашь* 'щекотание', *цизе* 'титька', *чикалтышь* 'затычка', *чикемь* 'втыкаю', *чикталемь* 'ругаю', *шигыле* 'бородавка', *шижыктемь* 'брыжжу', *шиже* 'осень' и т. д., лит. *нылит*, *ныл гана*, *нылымше*, *нылле*, *ныктам*, *чыгылтем*, *чызе*, *чыкалтыш*, *чыкем*, *чикталам*, *шыгыле*, *шыжыктем*, *шыже*. Иканье характерно для некоторых говоров лугового и восточного наречий.

Интересно, что среднеязычная шумная аффриката *ч* часто передана как *чь*: *мучьштамь* 'вырываюся', *пючькюжь* 'отрубок', *пючькюмашь* 'резание', *ченьгечьсе* 'вчерашний', *тичьмашь* 'целый', *тичьмашлыкь* 'целость', *юлючь* 'низко', *эмбачь* 'над', *шочьмашь* 'рождение', *шочьмо* 'родины', *угичь* 'вновь', *эмбачь* 'над' и т. д., лит. *мучыштем*, *пўчкыш*, *пўчмаш*, *тенгечысе*, *тичмаш*, *тичмашлык*, *ўлыч*, *ўмбач*. В основном она встречается в инлаутном и ауслаутном положениях.

В середине некоторых слов зафиксирована переднеязычная дрожащая фонема *і̇*: *тюрьбюнчышь* 'чихание', *тюрьбунчемь* 'чихаю', *тюрьлемь* 'вышиваю', *тюрьлемашь* 'вышивка и шитье', *тюрьлень* 'всячески', а также *тюрь* 'край', лит. *тўрвынчыш* (*тўрвычмаш*), *тўрвынчам*, *тўрлем*, *тўрлымаш*, *тўр-*

лын, тјур. Она главным образом функционирует в кильмезском и уфимском говорах восточного наречия, в липшинском и помарском подговорах лугового наречия. По происхождению она вторична (Иванов 1981 : 46).

С исторической точки зрения интересно употребление сочетаний *лг* и *кт*: *шолгемь* 'стою': волж., йошк.-ол., кильм. *шолгаш*; марГ, марСЗ *шалгаш* 'стоять' (примеры из Грузов 1969 : 187), *шороктемь* 'плачу', *шорктмо* 'плачевный', *шорктомашь* 'плачь' вместо лит. *шогем*, *шортам*, *шортмо*, *шортмаш*. Здесь имеет место выпадение и отпадение согласных. В примерах выпали переднеязычный сонант *l* и заднеязычная фонема *k*. Опрощение происходит в инлауте между лабиальной фонемой *o* и целевым *g*, а также между дрожащим сонантом *r* и переднеязычным *t*. В марийском языке выпадение согласных встречается нередко (Грузов 1969 : 188).

Из фонетических изменений гласных отметим употребление *э/е* вместо лит. *ы*: *элыжемь* 'воскресаю', *елжеше* 'вспылчивый', *элыштамь* 'воскрешаю', *энде* 'уже', *ерамь* 'греюсь', *эректемь* 'обогреваю', ср. *ылыжам*, *ылыжше*, *ылыжтем*, *ынде*, *ырем*, *ырыктем*. В единичных случаях *уу* 'новый', *уулыкь* 'новизна' вместо лит. *у* 'новый', *улык* 'свежее, новое; нововведение'. Сочетание *йы* в начале слова передано как 1) *е* (*э*): *егырь* 'двойни', *едань* 'струна', *ежынь* 'член, состав', *елмодомо* 'безъязычный', *ерь* 'кругом', *эрнемашь* 'гнушение', лит. *йыгыр*, *йыдан* 'шерстобойная струна', *йыжын* '1) сустав; 2) колено (звено)', *йылмыдыме*, *йыр*, *йырнымаш* 'отвращение; брезгливость'; 2) *и*: *ирянь* 'борозда', ср. *йыран*; 3) *ю*: *юдаль* 'лапти', *юмалне* 'под', ср. *йыдал*, *йымалне*.

Из фонетических изменений согласных можно отметить 1) соответствие *в ~ г*: *шугуртатемь* 'ворчу', *шугуртатымашь* 'ворчание', лит. *шувьртаташ* 'бормотать; говорить тихо, невнятно', *шувьртатымаш* 'бормотание' (использование заднеязычной фонемы *g* вместо лит. *v* свойственно волжскому, йошкар-олинскому, пижанскому говорам лугового наречия и некоторым говорам восточного); 2) характерное для марийского языка соответствие *н ~ л*: *номашь* 'жердь', *люлпе* 'ольха', *олталемь* 'обманываю', *олталше* 'льстец', *олталмашь* 'обман', калт., уфим., пект., пиж. *олталаш*; марГ, марСЗ *алталаш* 'обманывать' (Грузов 1965 : 222), ср., лит. *ломаш*, *нёлпö*, *ондалем*, *ондалыше*, *ондалымаш*. В *люлпе* (лит. *нёлпö*) диал. *н ~ л* восходит к согласному *л* (Грузов 1965 : 223); 3) во многих случаях в интервокальном положении и после сонанта место *в* занимает графема *б*: *собла* 'лошкa', *собо* 'ладонь', *сюбань* 'чирей', *табалтемь* 'стучу ногами', *тобарь* 'топор', *тубурашь* 'потолок', *тюрьбунчемь* 'чихаю', *ужаба* 'лягушка', *шобынь* 'мыло', *шюбалемь* 'плюю', *шюбедамь* 'заговариваю', *шюбюль* 'слюна' и т. д., лит. *совла*, *сово*, *сјуван*, *тавалтем*, *товар*, *тувыраш*, *тјурвынчам*, *ужава*, *шовын*, *шјувалам*, *шјуведем*, *шјувыл*. В иных словах *б* заменяет и *п*: *шобемь* 'кислею', *шобешше* 'окислый', *шубо* 'кислый', *шуболыкь* 'кислота', *шобоктомашь* 'квашение', *шобенынь* 'квасный', лит. *шопем*, *шопышо*, *шопо*, *шопылык*, *шопыктымаш*, *шопын*. В одном примере наблюдается соответствие *в ~ п*: *юьра* 'мошка', ср. *јувьра*.

В «Словаре Языка Черемисского» в плане исторического развития марийского языка определенный интерес вызывает передача среднеязычной шумной аффрикаты и переднеязычной какуминальной аффрикаты. В памятнике обнаруживаются обе фонемы.

В современном языке смычная шумная аффриката *ч* имеет довольно большое распространение. В словаре она передана так: 1) буквой *ч*: *чонь*

'душа', *шаргенче* 'гнида', *шинчалъ* 'соль', *шинчалмашъ* 'ржание', *шинчалтемъ* 'солю', *шинчеше* 'сиделый', *шинчемъ* 'знаю', *ом шинче* 'не знаю', *шинчеше* 'знаток' и т. д., лит. *чон*, *шаргенче*, *шинчал*, *шинчалмаш*, *шинчалтем*, *шинчыше*, *шинчем*, *ом шинче*, *шинчыше*; 2) буквой *ц*: *цизе* 'титька', *шинцемъ* 'сизу', лит. *чызе*, *шинчем*; 3) буквой *з*: *кюньзюля* 'кудель', *кюньзюля-пондо* 'пряслица', *онзиль* 'перед', *онзилсе* 'передний', *пунзьяламъ* 'выжимаю', *ронзыктемъ* 'развязываю', *туганзе* 'такий', *шинза* 'глаз', *шинза ауль* 'бровь', лит. *кјнчыла*, *кјнылавондо*, *ончыл*, *ончылсо*, *пунчалам*, *рончыктем*, *тугай* (диал. *туганьче*), *шинча*, *шинча аул* (в словаре толкового типа отсутствует) (СМЯ IX 129), ср. *брови* (ед. ч. *шинчапун*, марГ *сјнзәхал* 'бровь'); 4) иногда буквой *д*: *шиндалтемъ* 'насаживаю', лит. *шинчалтем*. В двух последних случаях это объясняется прогрессивной ассимиляцией по звонкости, т. е. *ч* после сонантов *н'* и *л'* озвончается. Явление свойственно почти всем диалектам марийского языка. Графема *з* зафиксирована в положении между двумя гласными в однокорневых лексемах *назаръ* 'бедно', *назарлыкъ* 'бедность', *назарынь* 'бедный'. Слово *назар* в современных марийских словарях не фигурирует, его заменяет с идентичной семантикой *начар* '1. (прил.) худой, слабый, плохой. 2. (нар.) плохо, слабо' (СМЯ IV 159) или близкое по значению *незер* '1. (сущ.) бедняк, неимущий. 2. (прил.) бедный, неимущий. 3. (нар.) бедно, скудно' (СМЯ IV 163).

Переднеязычная какуминальная глухая аффриката передается буквой *ж*: *вонжыштарше* 'перевозчик', *онжемъ* 'гляжу', *онжоктемъ* 'покажу', *онжоктомашъ* 'показание', *ронжемъ* 'расшиваю', лит. *вончыктарыше*, *ончем*, *ончыктем*, *ончыктымаш*, *рончем*. В примерах эта фонема после апикального смычного сонанта *н* озвончается. Иногда *ж* после среднеязычного палатального сонанта *н'* заставляет задуматься, например, *вонжыштаремъ* 'перевожу', *кюньжемъ* 'копаю', *кюньжемъ* 'рою', *кюньжюше* 'копатель', *кюньжюмашъ* 'копание', *пюньжюдюрь* 'бор', лит. *вончыштарем*, *кјнчем*, *кјнчыше*, *кјнчымаш*, *пјнчер*. В данной позиции есть два варианта: перед графемой *ж* твердый *н* или после палатальной *н'* буква *з*. По фонетическим особенностям марийского языка преобладает *н*.

Как и во многих памятниках письменности XVIII века, определенные трудности были в передаче марийских специфических звуков. Один из них — заднеязычный сонант *н*. Для него в словаре использованы разные графемы 1) *н*, например, *ванемъ* 'бдю', *енъ* 'человек', *јорандемъ* 'раню', *канашемъ* 'советую', *канашлемъ* 'соглашаюсь', *корандемъ* 'отворачиваю', *кумдандемъ* 'расширяю', *кюанемъ* 'каменею' (лит. *кјанам* — глагол I спряжения), *онго* 'кольцо', *орланге* 'кисть', *пенгыдемдемъ* 'подкрепляю', *санга* 'лоб', *тенге* 'монета', *тенгель* 'скамья', *юнге* 'Филин', *шонго* 'старый', *чанъ* 'колокол', *чана* 'галка', *энремъ* 'мычу', лит. *вангем*, *енг*, *јорангдем*, *кангашем*, *кангашлем*, *корангдем*, *кумдангдем*, *кјангам*, *онго*, *орлангге*, *пенгыдемдем*, *санга*, *тенге*, *тенгыл*, *јнггө*, *шонго*, *чанг*, *чанга*, *энгырем*. Иногда вместо *н* используется *нь*: *юньше* 'смирный', *юньшелыкъ* 'смирение', ср. *јнгышө* 'смирный, тихий, кроткий, безропотный, незлобивый; тихоня', *јнгышылык* 'смирение, кротость, безропотность, незлобивость' (МРС 1991 : 374); 2) *нг*: *кенгежъ* 'лето', *энгремешъ* 'паук', лит. *кенгеж*, *энгыремыш*; 3) *нг*: *онгъ* 'грудь', *энгежъ* 'малина', лит. *онг*, *энгыж*.

Другой специфический звук марийской фонетической системы — гласный *ө*. По рентгенограмме, при артикуляции фонемы *ө* движение языка напоминает конфигурацию произношения гласного *е*, но с тем

отличием, что при *ö* язык больше опущен и продвинут вперед, кончик его касается внутренней поверхности резцов (Грузов 1960 : 51). Это своеобразие и послужило причиной непонимания его природы. Не менее важной причиной, конечно, было отсутствие данной буквы в графической системе русского языка. В словаре встречается пять вариантов передачи данного звука. В одних случаях для передачи переднерядной лабиальной фонемы *ö* используется знак *^* (циркумфлекс), в других буква без циркумфлекса. С помощью последнего передавались и одиночные буквы и сочетания букв. В памятнике преобладает написание латинского *j* и графемы *o*. Примеры первого случая: *jöpa* 'любо', *jörišaiš* 'годный', *jöryktem* 'валю', *jöryktem* 'гашу', *jöram* 'дивлюся', лит. *jöpa* 'ладно (частица)', *jöryšaiš*, *jöryktem*, *öram*. Примеры на *jo* с циркумфлексом: *ñjorien* 'муж', *ñjorlyk* 'мужество', *ljörgeom* 'хочу', *ljörgeomaiš* 'хотание', *pon'čjo* 'сосна', *tjör* 'равнина', *tjöralltem* 'лажу', *šjör* 'молоко', *šjörljök* 'поставец', *šjörtne* 'золото', *mjön'ga* 'назад', лит. *pörjen*, *pörlyk* (в составе исчезнувших слов), *lörgeom*, *lörgeomaiš*, *ñjünčö*, *tör*, *töralltem*, *šör*, *šörlyk*, *šörtňö*, *möngö*. В словаре много статей, где *ö* передается другими графемами: 1) *e*: *kyöze* 'нищий', *nešme* 'семья', *neštylam* 'мешу квашню', *peľak* 'подарок', *pečez* 'брусника', *terlalltem* 'поправляю', *terlalltemaiš* 'заправка', *tešak* 'перина', *šen* 'жила', *šermyče* 'узда', лит. *kjčyzö*, *nöšmö*, *nöštylam*, *pölek*, *pöčyž*, *töralltem*, *töralltemaiš*, *töšak*, *šön*, *šörmyč*; 2) *o*: *pygo* 'дуга', *pygulmo* 'пишка', лит. *pijgö*, *pijgylmö*; 3) *y*: *kyogercen* 'голубь', *kyömlen* 'понуждаю', *kyömen* 'каюся', *kyömenaiš* 'покаяние', лит. *kögörčen*, *ökymlen*, *ökymen*, *ökymenaiš*; 4) *э*: *erdžlu* 'бедро', *erdžyn* 'боковой', *el-talam* 'обнимаю'. лит. *ördžlu* 'ребро', *ördžyn*, *öndalam*.

Специфический лабиальный *j* передан 1) буквой *y*: *vaškyöze* 'ножницы', *vyd* 'вода', *vyö* 'кобыла', *vyör* 'кровь', *vyöncem* 'заикаюся', *kyö* 'камень', *kyöam* 'зрею', *kyöbär* 'мост', *kyötü* 'стадо', *myöš* 'пчела', *pygo* 'дуга', *pygulmo* 'пишка', *pygür* 'горб', *tjörbünchem* 'чихаю', *vyöür* 'дочь и девка', *vyöürlyk* 'девство', *vyöžyž* 'бык', *vyöra* 'мошка', *vyöžara* 'заря' и т. д., а также *nyöštam* 'отираю', *nyöštalmaš* 'сморкаю', но *nyöštalamaš* 'сморкаю', лит. *vaškyžö*, *vjüd*, *vjölö*, *vjür*, *jgynčam*, *kj*, *kjäm*, *kjvar*, *kjütj*, *mjkiš*, *pijgö*, *pijgylmö*, *pijgür*, *tjürvynčam*, *jdyr*, *jdyrlyk*, *jškyž*, *jvyra*, *jžara*, *jštam*, *nyöštalmaš*, *nyöštalamaš*. В таких примерах, как *vyö* 'ночь', *vyömen* 'ночью', *vyö* 'голос', *vyöklundarem* 'разглашаю', *vyöklaš* 'молиться', *vyöšem* 'застываю', *vyör* 'дождь', *y* заменяет сочетание *ij*, лит. *vyöd*, *vyödy*, *vyök*, *vyöklundarem* 'озвучиваю, озвучу; дублирую', *vyöklaš* 'голосовать, проголосовать; отдать свой голос за кого-л.; 2. шуметь; подавать голоса; скрипеть (о каком-л. предмете); 3. говорить, разговаривать' (СМЯ II 156) (*kyömalaiš*, *vyömlaiš* (религ.); *motkoc pağalaiš* 'молиться кому-чему', перен. 'боготворить')' (РМС 1966 : 325), *vyökšem*, *vyöür*. В примерах типа *myö* 'мед', *pyö* 'зуб' графема *y* заменяет сочетание *ij*: *myöj*, *pyöj*; 2) буквой *э*: *эмбач* 'над', ср. *jмбач*; 3) двойной *yö*: *šyöymaiš* 'гноение', *šyöyktem* 'гною', *šyöy* 'уголь', лит. *šjömaš*, *šjöyktem*, *šjöj*; 4) в единичных случаях сочетанием *jo* с каморой: *jöštemuža* 'лихорадка', лит. *ijöštemužo* 'лихорадка, малярия'. Преобладает вариант с графемой *yö*.

Таковы некоторые графо-фонетические особенности рукописного словаря второй половины XVIII века. Они характерны и для некоторых других письменных памятников марийского языка 200—250-летней давности.

Address

Oleg Sergeev

Mari Research Institute of Language, Literature and History (Yoshkar-Ola)

E-mail: olsemar@rambler.ru

Сокращения

волж. — волжский говор лугового наречия; **йошк.-ол.** — йошкар-олинский говор лугового наречия; **калт.** — калтасинский говор восточного наречия; **кильм.** — кильмезский говор восточного наречия; **пект.** — пектубаевский подговор лугового наречия; **пиж.** — пижанский говор лугового наречия; **уфим.** — уфимский говор восточного наречия;

МРС — Марийско-русский словарь, Йошкар-Ола 1991; **РМС** — Русско-марийский словарь, Йошкар-Ола 1966; **СМЯ** — Словарь марийского языка I, II, IV, VIII, IX, Йошкар-Ола 1998, 1992, 1998, 2003, 2004; **Эрм. собр.** — Эрмитажное собрание.

ЛИТЕРАТУРА

- Булич С. К. 1904, Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XVIII в. — 1825 г.). С приложением, вместо вступления, «Введения в изучении языка» Б. Дельбрюка, Санкт-Петербург.
- Грузов Л. П. 1960, Современный марийский язык. Фонетика, Йошкар-Ола.
- 1965, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола.
- 1969, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика, Йошкар-Ола.
- Иванов И. Г. 1975, Возникновение и развитие марийского литературного языка. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Йошкар-Ола.
- 1981, Марий диалектологий, Йошкар-Ола.
- Исанбаев Н. И. 2014, Русские лексические заимствования дооктябрьского периода в марийском языке: словарь-справочник, Йошкар-Ола.
- Мурьев А. В. 1975, Палеография, Москва.
- Сергеев О. А. 2002, Истоки марийской письменности. Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII—XIX веков, Йошкар-Ола.
- 2003, Из истории отечественной лексикографии. Словарь черемисского языка с российским переводом, Йошкар-Ола.
- Хайду П. 1985, Уральские языки и народы, Москва.

ИСТОЧНИКИ

- Государственный архив Нижегородской области:
Словарь черемисского языка с российским переводом по алфавиту российскому расположенный. — Ф. 2013, оп. 602-а, ед. хр. 186.
- Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Эрмитажное собрание:
Краткий черемисский словарь с российским переводом, собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоиереем Василием Крекниным и Спасской церкви диаконом Иоанном Платуновым, 1785 года. — Эрм. собр., № 197/1.
- Материалы Аделунга. Черемисский языкъ. — Эрм. собр. Ф. 7. Аделунг Ф. П., № 124. № 33.
- Словарь черемисского языка с российским переводом. — Эрм. собр., № 218.
- Словарь Языка Черемисскаго. — Эрм. собр., № 216.